

УДК 821.161.1

С. В. Мельникова

Пермь, Россия

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА В РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматриваются исторические и социокультурные предпосылки интереса русской беллетристики 1860–1890-х гг. к образу приходского священника и анализируются основные темы и мотивы в его изображении. Жизнеописание духовенства в беллетристике сравнивается с собственным вариантом жизнеописания, представленным в церковных мемуарах.

Ключевые слова: приходское духовенство, беллетристика, церковные мемуары, сюжет, мотив.

«...Наша литература выработала типы чиновника, помещика, купца, крестьянина, но доселе не выработала типа священника. В нашей литературе, если и выводился иногда на сцену священник, то в качестве только простого требоисправителя, стоящего в чисто-внешнем отношении к обществу; но мы не знаем рассказа или повести, где бы он выводился в полном развитии своего характера и деятельности, с каким-либо анализом его внутреннего мира...» [1, с. 572]. Это мнение было высказано на страницах «Руководства для сельских пастырей» за 1872 г. профессором Киевской духовной академии А. Д. Вороновым в статье, посвященной «Соборянам» Лескова. При этом сама старгородская хроника признавалась единственной альтернативой сложившемуся положению. Выводы критика созвучны тем упрекам, которые высказывает современным ему литераторам, не достаивающим своим вниманием простого русского «попа» с его «кутейным сердцем», сам главный герой хроники о. Туберозов [2, с. 93].

Однако и проф. Воронов, и о. Туберозов не совсем справедливы к господам «сочинителям басен, баллад, повестей и романов» [2, с. 93]. Если в 1840-х гг., когда о. Савелий писал свою демикотоновую книгу, таких произведений действительно было немного, то начиная с 1860-х, тема духовенства, напротив, становится одной из популярных в светской литературе. По замечанию другого церковно-

Мельникова Софья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Пермской государственной академии искусства и культуры (ул. Газеты «Звезда», 18, Пермь, 614000; memuaristika@yandex.ru; +7 912 580 16 21)

Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 106–114
© С. В. Мельникова, 2013

го критика А. В. Попова, если «до 60-х годов литература русская не дала ни одного серьезного произведения из духовной среды, то с 60-х годов беллетристические произведения из духовного быта становятся делом обычным» [3, с. 44].

Помимо Лескова, о духовенстве пишут Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ф. М. Решетников, Н. Г. Помяловский, С. И. Гусев-Оренбургский, О. Забытый [Г. И. Недетовский], И. Н. Потапенко, М. Басанин [Л. А. Лашеева], Н. А. Лейкин, Ф. В. Ливанов, М. Н. Альбов и др. менее известные беллетристы. И, забегая вперед, можно сказать, что основной их задачей становится именно выработка типа священника.

Сама тема – образ священника в светской литературе и беллетристике XIX в. – представляется интересной и научно продуктивной. Не случайно она получила живой отклик уже на страницах ведущих церковных изданий того времени («Христианское чтение», «Православный собеседник», «Душеполезное чтение», «Церковный вестник» и др.), где регулярно публиковались обзоры литературных новинок, затрагивающих тему церкви и духовенства. «Типы духовенства (или быт духовенства) в современной светской литературе (беллетристике)» – самый частотный вариант заглавия таких обзоров. Наиболее активно печатающимися по этому вопросу авторами были А. В. Попов, свящ. Н. А. Колосов, иером. Виссарион (В. П. Зорин), однако многие статьи выходили без подписи. Позитивно воспринимая сам факт интереса к духовенству в светской литературе, церковная критика, однако, редко оставалась удовлетворенной принципами и качеством его изображения. Но лучшего оставляло желать и качество самих обзоров: их авторов, за редким исключением, не волновали художественные особенности произведений, но лишь степень достоверности и сочувствия в изображении духовного сословия.

В современной же науке эта тема представляется недостаточно востребованной. Из известных нам специальных работ ей посвящена только диссертация польской исследовательницы Марты Лукашевич [4]. Следует признать обстоятельность работы: на примере произведений 1860–1870-х гг. Лукашевич, по сути, уже выделяет все основные направления в раскрытии образа приходского священника, и дальнейшие исследования могут строиться по принципу расширения материала или поиска новых путей его обобщения.

Духовенством интересовалась преимущественно журнальная беллетристика, ориентированная на массового читателя и склонная к занимательности, бытописанию и публицистичности. Причины возникновения такого интереса именно в 1860-е гг. легко объяснимы: злободневной темой духовенства сделала церковная реформа, проводившаяся в эти годы в ряду других государственных преобразований. Она обнажила многие противоречия в жизни сословия и вынесла на широкое обсуждение проблему отношения к духовенству в русском обществе. С другой стороны, жизнь духовенства как наиболее традиционного и закрытого из всех русских сословий к середине XIX столетия воспринималась «образованной публикой» уже как нечто архаичное и потому неизменно вызывающее интерес, на котором и играла беллетристика. Еще один немаловажный фактор: многие писатели, обращающиеся к этой теме, сами были выходцами из духовной среды (Помяловский, Мамин-Сибиряк, Гусев-Оренбургский).

Таким образом, интерес беллетристики к жизни церкви и духовенства был обусловлен прежде всего социально. Духовенство воспринималось как замкнутое сословие, соотносимое (исключая, конечно, церковных иерархов) с другими низшими слоями населения – излюбленными героями либерально-демократической литературы. И само его изображение естественно принимало социально обусловленный характер.

Количество беллетристических произведений о духовенстве, написанных в 60–90-е гг. XIX в., исчисляется несколькими десятками. Однако в них легко вы-

деляются некие общие тенденции и темы. Прежде всего, это выбор определенного типа героя – обычного иерея или дьякона, как правило, сельского как наиболее типичного представителя сословия. Такой герой изображался камерно: не в контексте больших социально-исторических событий, но в контексте собственной биографии. Сам биографический сюжет также типизировался. Можно выделить три центральные темы в жизнеописании иерея: бурсацкое детство, семейные отношения и приходская деятельность. Каждая тема была связана с достаточно устойчивым комплексом мотивов. Таким образом, создавался метарассказ о священнике, который обобщал и тотализировал сложившееся в обществе представление о духовенстве.

Образцом для такого метарассказа, своего рода трафаретом, послужила, о чем можно судить с высокой степенью уверенности, книга «Описание сельского духовенства» свящ. И. С. Беллюстина, изданная в 1858 г. в Лейпциге [5]. Это публицистическое сочинение, резко критиковавшее положение русского православного духовенства, получило в свое время широкую известность. В официальной церковной среде оно было воспринято как провокационное, хотя рядовое духовенство нашло в нем много правдивого. Главные герои книги – сельские иереи, основное содержание – описание типичных этапов их биографии и условий жизни. В книгу входят такие разделы, как: «училища», «квартиры», «училищные начальники и учителя», «поступление на место», «быт семейный», «средства к жизни», «отношение сельского иерея к: прихожанам-помещикам и крестьянам, причту, к архиереям и т. д.». Основная идея книги – показать вызванное объективными обстоятельствами несоответствие образа жизни и мыслей духовенства тем высоким задачам, которые ставило перед ним исполнение пастырского долга. Конфликт между реальностью и пастырским идеалом становится сюжетообразующим и для подавляющей массы беллетристических повествований о духовенстве.

Прецедентным, уже собственно литературным текстом, вынесшим на широкое общественное обсуждение тему духовного образования и воспитания, стали «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, опубликованные в 1863 г. Книга Помяловского, казалось, вскрывала самый корень проблемы «оскудения» современного духовенства – недостатки и просто ужасы начального воспитания будущих пастырей. Ведущие мотивы «Очерков бурсы» – это мотивы антидома, или «мертвого дома», своего рода аналога тюрьме, каторге (этот мотив выделен Г. А. Островитиной [6, с.102]), и искалеченного детства, которое не может заложить в человеке никаких нравственных начал.

После публикации «Очерков...» тема бурсацкого детства стала почти обязательной в повествовании о священнике, и текст Помяловского служил здесь несомненным ориентиром. Так, Решетников в повести «Ставленник» (1864) заявляет: «Житье в бурсе известно всем, кто жил в бурсе и кто читал очерки бурсы Н. Помяловского. И поэтому о бурсаках говорить одно и то же не для чего: каждая семинария походит на другие; исключений почти что нет» [7, с. 36]. Этими словами подтверждается объективность для Решетникова описания бурсы, данной его непосредственным предшественником. Но при этом сам автор не посчитал избыточным подробное описание семинарской жизни – классов, квартир, методов преподавания, свободных занятий учеников и т. п. Причем его очерк больше напоминает публицистические заметки Беллюстина, нежели художественное повествование Помяловского.

Прецедентным текст Помяловского остается и в 1880–1890-е гг. На него ссылаются, например, герои романа М. Н. Альбова «Ряса» (1886). Два старых монаха, вспоминая детство, обсуждают роман Помяловского и соглашаются с ним. О. Пимен вспоминает, как его «драли»: «Замертво раз сволокли... Весь угол ска-

мейки изгрыз – как это у Помяловского описано... А Помяловский ловко описывает... Вот шельма!» [8, с. 24].

У Д. Н. Мамина-Сибиряка, который и сам бывший бурсак, в повести «Авва» (1884) выведен весьма колоритный тип простого сельского иерея, о детстве которого говорится: «Бурсацкая закваска настолько въелась в попа Андроника, что он совсем не замечал ее и оставался старым, закоренелым бурсаком, не поддаваясь никаким новым веяниям и знамениям времени. “Меня еще в деревянной колодке водили в бурсе-то, – рассказывал старик в веселую минуту, – а все за матушку-водочку...”» [9].

Слабой попыткой преодоления стереотипа о бурсаке, отмеченной Мартой Лукашевич [4, с. 54–68], выглядит роман Н. Д. Хвоцинской (В. Крестовского) «Баритон» (1857). В романе сделано все, чтобы показать семинариста как человека умного, образованного и талантливого (герой прекрасный музыкант). Но уже первые критики однозначно отметили наивность и утопичность этих попыток и в то же время их оппозиционность Помяловскому. В частности, А. М. Скабичевский (который в целом сурово относился к идеализирующей манере писательницы) отметил, что у Хвоцинской «бурсаки выглядят совершенно вербными херувимчиками перед чудищами “Очерков бурсы”» [10, с. 8]. Очевидно, что бывший семинарист Помяловский был гораздо убедительнее в этом вопросе, однако и он только обнажил проблему, не предлагая никакого ее решения.

Еще более популярной в беллетристике стала тема семейных отношений в духовенстве. Регламентированная, отдающая домостроем семейная жизнь иереев и дьяконов вызывала неизменный интерес у читателей. Главное противоречие, подмеченное в этой теме писателями, было связано с запретом на целибат для белого духовенства. Мало озабоченные духовными истоками этого запрета, литераторы были заняты его следствиями, иногда действительно достойными критики.

Выпускник семинарии, если он хотел стать священником, должен был обязательно жениться. Но «приискывать» невесту нужно было в самые короткие сроки, чуть ли не в несколько дней. При этом о любви, как правило, приходилось забыть. Особенно ценились «невесты с местом», женитьба на которых являлась вариантом брака по расчету. В реальности этот запрет порождал многочисленные жизненные драмы. «Скоропостижные» браки редко оказывались счастливыми. А если учесть, что разводы и повторные браки в духовной среде были запрещены, то ситуация становилась еще более драматичной, так как бремя этого несчастья оба супруга несли до конца жизни. Необходимость жениться без любви и женитьба на «невесте с местом» широко обсуждаются и в публицистике, и в беллетристике того времени.

«Ведь наша женитьба заключается в получении местов. Не женишься, места не получишь, а полюбишь девушку – места не найдешь.

– Да, это правда: мы женимся для местов, а о любви и дела нет. Гадко. После этого, знаете ли, что мне хочется сделать? мне хочется в светские выйти», – рассуждают герои повести Решетникова «Ставленник» [7, с. 106]. При этом Решетников раскрывает эту тему и в очерково-публицистическом, и в собственно романном ключе. Сватовство и женитьба бедного и неказистого семинариста волей архиерея на дочери благочинного – сюжетная основа повести. Но в романное повествование о частной судьбе героя автор включает очерк, в духе Беллюстина, о традициях церковного брака и о «незавидном положении женщины в этом словии» [7, с. 71–74].

Исключительная популярность в литературе именно темы церковного брака отмечена уже в первых критических обзорах: так, И. А. Баталин в статье за 1865 г.

«повести из семинарского быта» выделяет как самостоятельную разновидность произведений о духовенстве [11, с. 484].

Помимо уже упоминавшегося «Ставленника», тема семейных отношений становится центральной или одной из главных в таких повестях и романах, как «Озерский приход» (1863) Н. Ф. Бунакова, «Ливанов» («Записки семинариста») (1864) М. И. Осокина, «Велено приискывать» (1877) О. Забытого (Г. Недетовского), «Ряса» (1883) М. Н. Альбова, «Счастье поневоле» (1897) И. Н. Потапенко, «Новоселковское кладбище» (1901) М. Басанина (Л. А. Лашеевой) и многих других. При этом какой-то принципиальной разницы между произведениями 1860-х и 1890-х гг. в раскрытии этого вопроса нет.

В результате такой популярности формируется целостный сюжет о сватовстве семинариста с достаточно устойчивым мотивным комплексом. Очень ярко и подробно этот сюжет разработан Потапенко в романе «Счастье поневоле» [12], где он приобретает авантюрно-сказочный характер. Главный герой романа – выпускник семинарии, которому обещано священническое место в богатом приходе и который потому является завидным женихом. Ему отпущено всего девять дней, чтобы найти невесту, иначе обещанный приход «уплывет». Семинарист, у которого нет ни друзей, ни родных, и который провел десять лет на казенном коште в стенах семинарии, а потому совершенно не знает жизни, выглядит таким Иваном-дураком, сопровождающий же его искушенный в жизни, и особенно в деле сватовства, дьякон Гурий принимает на себя роль волшебного помощника. Вместе с Гурием семинарист долго кружит по уезду, перебирая ложных невест и попадая в затруднительные или комические ситуации (выбирая из шести почти одинаковых сестер или убегая из бандитского притона). Налицо сказочные мотивы волшебного помощника, выбора невесты, разрешения загадки и т. п. Как и положено в сказке, семинарист находит суженую и все заканчивается счастливо – свадьбой.

Однако такая игриво-сказочная манера, очевидно, не способствует разрешению самого противоречия, а, напротив, снимает его, превращая самого семинариста в сказочно-фольклорную фигуру, заведомо лишенную психологизма.

Но мотивы выбора, искушения, поиска могли переосмыслиться и в драматическом ключе, что и имеет место в большинстве из названных выше романов.

Еще в большей степени несоответствие жизненных обстоятельств и пастырского идеала проявляется в описании приходской деятельности иерея или дьякона. Эта тема гораздо сложнее и многоаспектнее двух предыдущих, однако и в ней можно выделить некие общие тенденции, или направления.

Первое хорошо известно еще из фольклорной антиклерикальной сказки и демократической сатиры. Это обличительное направление и сатирическое изображение русского «попа». И беллетристика второй половины XIX в. остается ему вполне верна. Во многих произведениях духовное лицо предстает средоточием самых разнообразных пороков, главные среди которых – пьянство, сребролюбие, проявляющееся в поборах с прихода, прелюбодеяние. Если говорить об отношениях внутри клира, то это ссоры, соперничество, доносы друг на друга в консисторию, бюрократия и чиновничество.

Вот лишь одна, но весьма характерная бытовая картинка из романа И. С. Гусева-Оренбургского «В глухом уезде» (1910): после молебна о благословении крестьянской скотины «дьякон, опрокинув в себя стакан водки и прожорливо поедая селедку, принялся считать деньги и ставить их стопками, пятаки к пяткам, прожавевшие трешники к трешникам, серебро особо» [13, с. 42].

Но сатира часто направлена не столько на самих священников, сколько на объективные условия их жизни, следствием которых и становятся всевозможные пороки в духовной среде. Так, например, в рассказе Решетникова «Никола Знаменский» изображен полудикий священник-крестьянин. Он не умеет читать,

не знает церковной службы, не ведет метрических книг, праздники определяет по народным приметам, а архиерея называет «наибольшим попом» [7, с. 323]. Он пьет, дерется, церковной службе предпочитает охоту. Но крестьяне любят его, потому что он «свой» и «простой», а его познания мало отличаются от их собственных: например, он уверен, что «в луне сидят Каин и Авель», а земля плоская [7, с. 326]. Однако сам архиерей закрывает на все глаза, и Никола служит долгое время в своей глухой деревне, потому что там просто некому служить.

Другое направление в изображении духовенства – это поиск пастырского идеала. Идеал искали либо в исконном русском попе, малообразованном, но зато искреннем и близком к народу (может быть, только чуть более образованном, чем Никола Знаменский). Либо, напротив, в усовершенствованном священнике нового типа – «ученом» молодом батюшке, который, помимо основной своей деятельности, выступает просветителем народа, строит школы и больницы, учреждает банки взаимопомощи, просвещает крестьян. Противопоставление старого и нового священника лежит в основе конфликта повести Мамина-Сибиряка «Авва». При этом сам автор на стороне исконного попа, а усовершенствованный батюшка с его модным кабинетом и «попадшей с музыкой» [9] – она играет на фортепьяно, показан резко негативно. В других же произведениях, например в повести Ливанова «Жизнь сельского священника», именно священник нового типа и рассматривается как идеальный. В этом противопоставлении реализуется типичный для демократической литературы конфликт нового и старого и вечный конфликт «отцов» и «детей» (Подробно этот конфликт и его социально-философские истоки, в частности роль в формировании образа «нового» священника «Церковно-общественного вестника», рассмотрены в диссертации М. Лукашевич [4, с. 119–169]).

Но проблема состояла в том, что этот идеал и в отношении старого, и в отношении нового священника основывался не на образе и задачах пастырского служения, а, скорее, на идеалах социал-демократических: либо на культе самого народа, либо на идеале интеллигента-народника. Пастырское служение подменялось хождением в народ. Не случайно Н. С. Лесков на роман Ливанова «Жизнь сельского священника» дал разгромную рецензию, которая была названа им весьма красноречиво: «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни» [14]. Само присутствие сатиры и утопии – как крайних форм осмысления проблемы – в беллетристике говорит о том, что писатели улавливают противоречия в жизни духовенства, но в то же время оказываются бессильны показать пути их преодоления.

Почему это происходит? Ответ на этот вопрос дает церковная публицистика. Резюмируя многочисленные критические обзоры, можно выделить следующие основные недостатки в описаниях беллетристов, вскрытые церковной критикой:

- отсутствие сочувственного изображения «попа», следование традициям простонародной сатиры, памфлетность;
- повышенный интерес к «физиологическим» подробностям жизни духовенства и в то же время слабое знание его быта и образа жизни;
- поверхностное, внешнее, социально типизирующее изображение.

Критики отмечали «неспособность авторов найти своим героям место на почве, им доставшейся, на почве руководства человеческой совестью» [15, с. 138].

Существовали ли какие-то иные типы источников, сопоставимые с беллетристикой по распространенности в читательской среде и способные составить ей альтернативу или необходимое объективное дополнение в изображении духовенства?

Таким источником, на наш взгляд, могут служить мемуары самого духовенства – автобиографии, воспоминания, дневники. Эти тексты предлагают собственный вариант жизнеописания священника, его нерегламентированное церковным

канонем высказывание о самом себе, своем понимании судьбы и личности. С конца XVIII столетия практика мемуаротворчества среди православного духовенства была не менее распространена, чем в других образованных слоях русского общества. В результате сложился большой корпус текстов. Начиная с 1860-х гг. эти сочинения активно печатались не только в церковных, но и в светских периодических изданиях (например, в «Русском архиве»), что делало их доступными самой широкой читательской аудитории.

Автобиографии и воспоминания духовенства также затрагивают темы бурсы, семейной жизни и внутрисловных отношений, однако они, во-первых, практически никогда не делают их центральными; во-вторых, дают иную трактовку – с позиций христианского смирения и пастырского идеала.

Следует признать, что бурса практически везде изображается негативно. Например, в записках сельского священника конца XVIII в. можно прочитать: «Темнота, духота, сырость, шум, крик и свист в классе поразили мои чувства!.. Ни писать от темноты, ни читать от шума, ни дышать от сырости никак невозможно. Да и квартира моя была похожа на школу очень много. Темна, сыра, тесна. А пища – капуста сырая, лук и квас, пшенная каша. Вот вся пища наша» [16, с. 367]. Бурса противопоставлена счастливому детству в родительском доме, изображенному в сентиментально-идиллических тонах.

Однако бурса часто трактуется как испытание и искушение. Например, биограф святителя Иннокентия (Вениаминова) прот. Громов пишет: «Нечего греха таить. Семинаристы тогдашние не прочь были выпить. И если о табакокурении не было еще помина даже на кухне между сторожами, зато господствовал между семинаристами почти повальный грех табаконюхания». Однако будущий святитель «Иван Вениаминов вышел чист от всех явных и тайных пороков бурсы и вынес изумительно крепкое здоровье» [17, с. 5].

Не отрицают мемуаристы-священники и факта скорой и вынужденной женитьбы. Так, о том же Вениаминове говорится, что «в 1817 году, ранее чем за год до окончания курса, он вступил в брак с девицею, священнической дочерью Екатериной Ивановною, и с 13 мая того 1817 года поступил диаконом к Иркутской Благовещенской церкви» [17, с. 6]. А далее лишь в одной строке отмечается: «он всегда сожалел о ранней своей женитьбе, лившей его возможности получить академическое образование» [17, с. 6]. Сам факт упоминается, но он никак не развивается в дальнейшем повествовании, и тем более не становится лейтмотивом этого повествования.

Следует отметить, что священники-мемуаристы крайне сдержаны в описании своей семейной жизни, тем более интимных ее подробностей. Упоминания эти редки, и они касаются преимущественно счастливых браков. Например, о счастливой супружеской жизни можно прочитать в дневниках священника Георгия Добросердова, будущего Астраханского епископа Герасима: «...Ласка, цвет любви супружеской, пленяла меня, как игрушка ребенка, и я утешался, качаясь, как бы пташка, на ветке радости; грустные думы далеко бежали от меня, оставляя простор для сердца, ими сжатого» [18, с. 52]. Но его молодая жена вскоре умирает, и, находясь неотступно у ее постели, Герасим показывает подлинно христианское переживание личной трагедии: бесконечно страдая как любящий муж, он в то же время как пастырь мужественно готовит умирающую к смерти.

Основной темой мемуаров становятся не подробности семейной жизни, как в беллетристическом варианте жизнеописания, а именно пастырская и миссионерская деятельность священников. Большое место занимает изложение церковных проповедей или миссионерских бесед. Так, один еще совсем молодой священник накануне своей первой проповеди перед новой паствой размышляет о том, что «теперь ему нужно полюбить новую, неведомую толпу, слиться с ней,

сделаться ее соратником, сострадающим молитвенником, принять на себя “боли” ее и отдаться служению ей всей душой. Это долг пастыря, если он не “чиновник”». Он уверен, что без близости и любви между прихожанами и иереем как «первым и ближайшим к ним представителем» церкви «нет места крепкой вере» [19, с. 9].

В записках священников большое значение приобретают темы служения и предназначения, которых нет в беллетристике. Священники склонны объяснять свой жизненный путь не влиянием среды, а промыслом Божиим, что придает их судьбе особую онтологическую значимость. Так, Иркутский архиепископ Вениамин (Благодаров) в предисловии к своей автобиографии пишет: «После долгих размышлений, решаюсь взяться за перо... и изложить не исповедь о моих многих прегрешениях, которые я исповедовал пред моими духовными отцами, и не собственно свои деяния, которые были на виду у всех и о которых другие будут судить беспристрастно меня, а о том, что сотворил о мне Господь и чрез меня для святой церкви... Предметом моей записки будут те естественные и благодатные дары, которые изливал на меня Господь и которыми я не умел пользоваться...» [20, с. 2]. Не случайно повествование о себе самом он выстраивает с опорой на житийную схему и использует традиционные для жития мотивы: благочестивого семейства, провиденциального младенца, отказа от детских игр, ухода, бесовского искушения и т. п. Большое значение в тексте получают видения, пророчества и чудеса, которые помогают осмыслить судьбу мистически, вывести ее за пределы причинно-следственных связей.

Таким образом, и беллетристика, и само духовенство говорят, в сущности, об одних и тех же темах. И нельзя сказать, что беллетристика существенно искажает реалии жизни приходского иерея. Однако от нее, за редкими исключениями, ускользает глубинный смысл происходящего, который видят сами священники, пытаясь осмыслить свою жизнь не в социально-экономических, но в духовных категориях, – мистической связи с высшим миром, чуда, предназначения, Божьего промысла и пастырского долга. И потому только взаимосвязанное рассмотрение этих двух вариантов жизнеописания православного духовенства поможет воссоздать его объективный образ.

Список литературы

1. Воронов А. Д. Типы духовных лиц в светской литературе // Руководство для сельских пастырей. 1872. Т. 3, № 50. С. 569–576.
2. Лесков Н. С. Соборяне // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 45–335.
3. Попов А. В. Типы духовенства в русской художественной литературе за последнее 12-летие // Православный собеседник. 1884. Ч. 2. Май. С. 44–88.
4. Лукашевич М. Образ приходского священника в русской беллетристике 60–70-х гг. XIX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Варшава: Варшавский университет. Институт русистики, 2009. 257 с. URL: http://www.academia.edu/1076127/The_Parish_Priest_Character_in_Russian_Fiction_of_the_1860s_and_1870s_Unpublished_PhD_thesis_60-70-XIX (дата обращения: 05.05.2013).
5. Беллустин И. С., свящ. Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1958. URL: <http://www.omolenko.com/publicistic/belustin.htm>
6. Островатикова Г. А. Дом в «Очерках бурсы» Н. Помяловского и повести «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2010. № 8 (98). С. 102–106.
7. Решетников Ф. М. Ставленник / Сост., вступ. ст., примеч. И. А. Дергачева. Пермь: Кн. Изд-во, 1991. 349 с. (Литературные памятники Прикамья).

8. *Альбов М. Н.* Ряса: Роман. СПб. М.: Т-во М. О. Вольф, 1886. 384 с.
9. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Авва // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1958. Т. 6. 411 с. URL: http://rusbook.com.ua/russian_classic/mamin-sibiryak_dn/avva.9211 (дата обращения: 15.04.2013).
10. *Скабичевский А. М.* Волны русского прогресса // Отечественные записки. 1872. № 1, отд. 2. С. 1–41.
11. *Баталин И. А.* Повести из семинарского быта // Отечественные записки. 1865. Т. 159, кн. 2. С. 484–500. Подпись – И. А. Самоцветов.
12. *Потапенко И. Н.* Счастье поневоле: Роман. М.: Д. П. Ефимов и М. В. Ключкин, 1897. 420 с.
13. *Гусев-Оренбургский С. И.* В глухом уезде: Повесть // Гусев-Оренбургский С. И. Собр. соч.: В 16 т. СПб.: Жизнь и знание, 1914. Т. 12. 340 с.
14. *Лесков Н. С.* Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни (Критический этюд) // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 10. С. 188–234.
15. Обзор журналов: Покойный Н. С. Лесков как бытописатель духовенства и народа одновременно // Странник. 1895. Т. 2. Май. С. 124–139.
16. *Михайлов А., свящ.* Умственный взор на протекшие лета моей жизни от колыбели до гроба (1778–1825) // Душеполезное чтение. 1894. Ч. 3. Ноябрь. С. 367–371.
17. *Громов П., прот.* Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском. Иркутск: Тип. Н. Н. Синецкина, 1879. 78 с.
18. *Евсевия, инокия* [Андреева Е. Е.]. Жизнеописание епископа Астраханского Герасима. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1885. 116 с.
19. Пастырские штрихи (из дневника сельского священника) // Енисейские епархиальные ведомости. 1910. № 24. С. 8–14. Подпись – свящ. Н.
20. *Вениамин* [Благодравов В. А.]. Автобиография Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. Иркутск: Изд-во братства Св. Иннокентия, 1913. 56 с.

S. V. Melnikova

Perm, Russia

**THE LIFE STORY OF A PARISH PRIEST IN RUSSIAN FICTION
OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

The article deals with the historical and socio-cultural factors of interest of Russian fiction of 1860–1890s to the image of the parish priest and the analysis of the main themes and motifs in his image. The biography of the clergy in fiction is compared with its own version of the biography, presented in the church memoirs.

Keywords: parish clergy, fiction, church memoirs, plot, motif.

Melnikova Sofya V. – candidate of philology, associated professor of the Department of literature and Russian language of the Perm State Academy of Arts and Culture (18 Newspaper «Star» Str., Perm 614000; memuaristika@yandex.ru; +7 912 580 16 21)